

C. R. Bibl. Univ. Leop.

55064

PR

Manuscript
1470-1480

EX
BIBLIOTHECA
CAESAREO-REGIAE
UNIVERSITATIS
LEOPOLIENSIS.

B.N. 41. 338

CL. L. 16

Львівський національний університет
імені Івана Франка

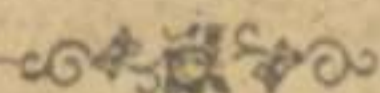
Наукова бібліотека

001-0109418

By

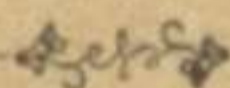
ПИСЬМА ИВАНА ФРАНКА.

XVI

I.

БАЛЯДЫ И РОСКАЗЫ.

(Посвячено бл. дъвици Надеждѣ***).

Цѣна примѣрника 6 кр. а. в.

ЛЪВОВЪ, 1876.

ЗЪ ДРУКАРНЬ ТОВАРИСТВА ИМЕНИ ШЕВЧЕНКА,
пѣдъ зарядомъ Фр. Сарницкого.

ПР 02

821.161.2"18" = 2 (6081) Инв. Факко

29 VII

БИБЛИОТЕКА И ДОКУМЕНТЫ

Прологъ.

изъ Гейного.

Ой бувъ-то разъ лыцарь понурый, нѣмый
Зъ лицёмъ блѣдымъ и запалымъ.
Ходивъ и хитався й дрожавъ, мовъ старый,
Мовъ сны го глубоки уняли.
Нездарный онъ бувъ, непроворный такій,
Куды лишъ проплентавсь, дѣвки и квѣтки
На голосъ за нимъ реготались.

Людей онъ боявся. Звычайно сидѣвъ
Самъ въ темному кутику дома.
Тамъ тужно когось мовъ обняти хотѣвъ,
Но ніколи не рѣкъ и слова.
Но скоро лишъ пѣвнѣчь наляже на свѣтъ,
Щось дивно-чарѣвно звенить и брентить,
И дверь отвираєсь тисѣва.

Тихесенько входитъ любима ёго
У сукняхъ изъ морской пѣны.
Якъ рожа лице ей, якъ мрамуръ чоло,
А стрѣй ѡдъ брилѣнтѣвъ ся мѣнитъ.
А косы, мовъ золото зъ рамень плывуть,
А очка у сердце жаръ роскоши льютъ —
Ихъ довгий устѣскъ зрятъ лишъ стѣны.

Онъ крѣпко-любовно еѣ обнима',
Холодный — пожаромъ палає!
Блѣдый — весь краснѣе, задумы нема,
Несмѣлый — свободнымъ дѣлаєсь.

Она зъ нимъ пестится, и — хитриця — вразъ
Пôдходитъ тихенько и выглядить часъ — —
Завоёмъ му взôръ закрывае.

И вразъ зачарованымъ бачится онъ
Въ пôдводну кристальну палату,
Здивованый взôръ ослѣпляе му въ нѣй
Несказаный розблескъ богатый.
Въ обнятыяхъ Русалки, мовъ пьяный лежитъ,
Въ очохъ ихъ любовь, страсть и роскошь горить,
Хоръ дѣвъ переливно явъ грати.

И музыка й спѣвъ переливно несесь,
Въ танъ стопы летятъ, мовъ на крылахъ...
Но онъ забувае себе и свѣтъ весь,
У нѣго въ обнятіяхъ — мила...
Въ тôмъ свѣтла погасли, хоръ чудный утихъ,
И лыцарь оглянувся — по стѣнахъ пустыхъ
Понурой комôрки поета.

Д а н и н а.

Козарска дружина розбоёмъ жила,
Она надъ Днѣперъ за розбоёмъ прийшла.
На горахъ Днѣпровскихъ градъ Кіевъ стоитъ,
А въ городѣ тôмъ трое братьей княжить.
Пôслали Козаре сказати братамъ,
Щобъ дань заплатили степнымъ хижакамъ.
„Вôйна, сли данины сейчасъ не дасте,
А де мы проѣдемъ, трава не зросте!“
Кій, Хоривъ и Щекъ тамъ княжили тогды.
Они таке слово Козарамъ рекли:
„Житье наше мирне, вôйна не для насъ,

И мы вамъ готовѣ дань дати сей часъ!“
Козаре пѣдъ градомъ таборомъ стоятъ,
И острятъ оружье и смотрятъ на градъ.
А зъ града пѣсланцѣ передомъ идутъ,
За ними на возѣ данину везутъ.
Данину идъ хана шатру завезли, —
Начальники тамъ ся на раду зѣшли.
„Якужь вы данину изъ града взяли?“
— Князѣ по мечу намъ ѡдъ дыма*) дали. —
Начальники смотрятъ, дивуеся ханъ.
„Не добру, о хане, прислали намъ дань!“
„Въ одинъ лишъ бѣкъ наше острене ружье,
„А збруя Полянѣвъ у два боки тне.
„А слижь они зъ нами боротись зачнутъ,
„Закимъ мы ихъ сто, вни насъ двѣста убьютъ!
„И може приjde ще, о хане нашъ, часъ,
„Що дань побирати они ймутъ ѡдъ насъ!“

* * *

На Кіевскихъ горахъ розсѣлася тьма,
Но войску Полянѣвъ спочивку нема.
Тихесенько зъ Кіева рядъ за рядомъ
Спѣшитъ, де Козаре вколысані сномъ.
И рыкнули роги, крикъ бою гуде,
Ой, то то загибѣль Козарамъ иде!
Ой страшный бувъ бренькѣтъ мечѣвъ стальныхъ,
И годѣ спастися Козаромъ ѡдъ нихъ.
Ой голосно выли вовки изъ лѣсѣвъ:
Вѣдай похоронный Козарамъ се спѣвъ!...
А рано Хорсѣ ясный пѣднявся зъ за хмаръ:
Все поле покрылося трупомъ Козаръ.
Лишь ханъ ихъ плѣненный въ кайданахъ стоитъ,

*) Дымъ, у Нестора часто въ значенью хата, пор. наше „подымне.“

Здивованимъ окомъ на труповъ глядитъ.
И въ дѣль нахиляесь ёго голова,
А уста все шепчуть зловѣщїи слова:
„Небавомъ, о хане, настане той часъ,
Що дань побирати они ймутъ ѡдъ насъ!

А р ф я р к а.

Она: Поцѣлуй твой
Мовъ огонь мя палать!
Скажи, милый, чому
Такъ ти очи горять?

Онъ: Пригорнись, поцѣлюй,
Не розпытуй мене!
Тажъ ты знаешь, душе,
Якъ люблю я тебе!

Она: Знаю я, милый мой,
Щирѡсть всѣхъ твоихъ слѡвъ,
Но чи премъ крѡмъ мене
Другихъ ты не любивъ?

Онъ: Сотый разъ ты кленусь,
Що крѡмъ тебе въ житю
Нїкогомъ не любивъ
И любить не буду!

Она: Вѣрю ти! Не кленись!
По щожъ клятва въ любви?...
Но послухай!... Се хто
Тамъ снѣва' за дверми?

Онъ: Се арфярка якась!
Мила - сердце, — кажи
Съ спѣвомъ, бренькотомъ тымъ
Прочь арфярцѣ ити!

Она: Нѣ, мѡй милый! Той спѣвъ
И бренькъ арфѣ я люблю.
Най арфярка вѡйде,
Най спѣва' пѣсь свою.

И арфярка блѣда
У свѣтлицю вѡйшла,
И по Нѣй и по Нѣмъ
Окомъ вразъ повела.

Задрожала чогось — —
И въ рукахъ ей худыхъ
Стара арфа здрогла,
И струнъ бренькѡтъ затихъ.

Онъ: Вели, мила, сейчасъ
Прочь арфярцѣ ити!
Она пѣсней вѣдай
Не умѣе, нѣ гры!

Она: „Нѣ, най грае, якъ зна',
Най спѣвае, що втне!...
Но чомъ, милый, такъ вразъ
Твое зблѣдло лице?

Онъ: Ничь то мила!... Тыхъ арфѣ
И такихъ арфярокъ
Я не могу знести!... (до арфярки:)
Прочь ты!... Ту не шинокъ!

Она: (до арфярки:) Нѣ не слухай ёго!
Заспѣвай що небудь — —
Такъ, про щастье, любовь,
Най вовнуеся грудь!

Но арфярка блѣда
Обернулась — пошла,
И стиснувши въ руцѣ
Арфу, стиха рекла:

„Нынѣ рѣкъ, нынѣ рѣкъ
Онъ мене такъ стискавъ!
Завтра рѣкъ, онъ мене
Одѣпхнувъ и прогнавъ!.....“

Чувъ и Онъ и Она
Тотѣ слезнѣ слова.
Онъ ѣ къ серцю притисъ, —
Одвернулась Она.

Аскольдъ и Диръ подъ Царьгородомъ.

Чого Царьгородцѣ тревожно бѣжать?
Наѣздники - Руссы напали Царьградъ

Народъ весь у храмъ ся Софійскій товпитъ,
Слѣзами, мольбою спасенья просить.

Наѣздникъ у мѣсто вже кидає грань...
Варягѣвъ Змѣй - човны*) окрыли пристань.

* Звѣсно, що кораблѣ Норманьскіи мали подобу змѣвѣвъ и звалися прото Drachen-Schiffe.

Вже Греко́въ над́я у крови тоне,
На́здникъ зъ пристáни на муры ся пне.

А втôмъ, ци се войско, ци що за походъ
Иде по за мѣсто до Боспора водъ?

Старикъ - патріархъ се, зъ нимъ клиръ и народъ
Въ одеждахъ покутныхъ пôдходятъ до водъ.

Всѣ клякли. Ихъ слёзы, молитвы и спѣвъ
Дивують на́здникôвъ зъ дальныхъ краёвъ.

А втôмъ патріархъ въ гору вноситъ свôй взоръ,
И чудный завôй погружае въ Боспоръ.

Завôй той носила за свого життя
Заступница вѣрныхъ, Пречиста, Свята.

Смѣются Варяги дивлячись на те.
„Завôй не поможе, сли смѣлости не!“*)

Наразъ, що за трусь, що за крикъ поветае?...
Боспоръ ся сказивъ, берѣгъ филиями бѣе.

И стогне и прыще й клекоче вода,
Луцаеся берѣгъ, здогае земля.

Въ вирахъ покрышились Варягôвъ човны,
На́здникôвъ силу пожерли вовны.

Лишень ихъ начальники, Аскольдъ и Диръ
Вертали зô встыдомъ до кіевскихъ гôръ.

* * *

*. Не въ пôдгôрекомъ нарѣчію часто замѣсть нема.

Въ Боспорѣ не одна ся лютила брань,
А кôстями Варягôвъ бѣлѣлась пристань.

Минали столѣтья и Царьградъ упавъ,
А костей Варягôвъ Боспоръ не забравъ.

Мовь сторожъ, що нагло на чатахъ умеръ,
Они ся бѣлѣють въ пристани й теперь.

Шотляндска пѣсня.

изъ Пушкина.

Противъ Крука Крукъ летитъ
Крукъ до Крука такъ кричитъ:
„Круче, якъ бы намъ прôзнати,
Де обѣдъ будемо мати?“

Крукъ те Крукови въ ôдвѣтъ:
„Знаю я, де намъ обѣдъ.
Въ чистôмъ поли жовте жито,
Тамъ богатыря убито.“

„Хто и защо го убивъ,
То его лишъ сокôль зрѣвъ,
Кôнь вороний, та хиба ще
Его любочка гуляща.“

„Сокôль въ пущѣ улетѣвъ,
На коника ворогъ сѣвъ,
Любка милого жде своего
Не убитого — живого.“

Рыбакъ середь моря.

Розôгралось Чорне море,
Розôгралося мовь звѣрь.
Темный воздухъ перунъ поре,
Зъ ревомъ крутится бугôръ*).

Мовь кроваве тигра око,
Де гроза и злôсть и страхъ,
Грають филѣ грознїи въ сонця
Заходячого лучахъ.

Середь филь и пѣны й шуму
Чайка утлая несесь — —
Крутить невь и мече море,
Туй-туй чайка розôбьесь...

А на чайцѣ одинокій
Безъ весла рыбакъ сидить,
И спокôйно, рôвнодушно
На грозу и шумъ глядитъ.

Ци му сердца не тревожить
Образъ смерти середь фаль?
Ци житье му надоѣло,
Що житья ёму не жаль?

Я не знаю. Онъ на вовны
Погляда', мовь на рôднїю,
А часомъ всмѣхнесь. „Мôй човникъ
Выдержитъ ще не одну.“

*) Бугôръ, то вихоръ, що туманами крутить.

Середъ шуму, треску, реву,
Тужну думку онъ завѣвъ,
Хоть глушить, мовъ голосъ мушки,
Страшна буря ёго спѣвъ.

Онъ спѣвае про вѣкъ давный,
Про щаслившій давный часъ,
Про лыцарскихъ предкѣвъ боѣ,
Про блескъ славы, що погасъ.

Довго, протяжно виводить
На хисткѣмъ, слабѣмъ човнѣ,
Хоть въ найблизшій може хвили
Змовкне спѣвъ — на моря днѣ.

Князь Олегъ.

Князь Олегъ по бояхъ тяжкихъ спочивъ
Въ задумѣ по пышнѣй комнатѣ ходивъ,
И нетерпѣливо на дверь глядавъ,
Князь Олегъ, якъ бачу, когось дожидавъ.
Втворилися двері, въ комнату йде
Старець и князеви поклѣнъ кладе.
Князь быстро поглянувъ ёму въ лице:
„Витай ми вѣщуне“ — до него рече.
„Скажи ми, вѣщуне, а правду всю,
„Чи скоро й якою я смертю умру?“

Вѣщунъ ся покѣрно склонивъ князю:
„Покинь ѡдслоняти будущнѣсть свою!
„Не найде потѣхи, хто ей покровъ
„Посмѣе роздерти зухваловъ руковъ!“

Князю, мовь бы жару у кровь наливъ,
И въ дѣда онъ грозный свѣтъ поглядъ ветромивъ.

„Ци думаешь, дѣду, що я дитя,
„Що слово марное мене вже й зляка' ?
„Сли знаешь будущнѣсть, то всю ѡдкрый,
„Сли нѣ, я скажѹ: Ты дурисвѣтъ старый!“

„Мѡй княже дурити не вмѣю я,
„Но сумна, важкая судьба твоя.
„Твѡй кѡнь которого такъ любишь ты,
„Той мае погибѣль тобѣ принести!“

„Сли такъ, — на Перуна кленуся я,
Що бѡльше не сяду на того коня!“

* * *

Летѣли лѣта, мовь Днѣпра вода,
Князь Олегъ зъ вѡйны зновъ домѡвъ верта';
Въ великѣй бо онъ ся походъ трудивъ,
Козарѡвъ, степныхъ хижакѡвъ побѣдивъ.
Народъ веселится, — наставъ ось миръ, —
Князь Олегъ дружину зываетъ на пиръ.
Пируютъ весело три ночи, три дни,
Вкѡнци погуляти на ловы пѡшли.
Днѣпра узберѣжьемъ тамъ лѣсъ шумить, —
Пѡдъ лѣсомъ тымъ, — що се онъ бѣле стримить?
— „Любимецъ твѡй, княже,“ конюхъ сказавъ,
„Твѡй кѡнь, щось нагнати въ степы го казавъ.
„Що мы ёго гнали, но онъ не хтѣвъ
„Въ степы до свободныхъ степныхъ табунѡвъ.
„И все лишь маячивъ кругъ мѣскихъ брамъ,
„Ажъ разъ го мертвого нашли мы онтамъ!“
„Мѡй щирый приятель!“ такъ князь сказавъ
На бѣли кости зъ жалѣмъ поглядавъ.

„Я вбивъ го безвинно, я вбивъ го самъ,
„Повѣривъ дурисвѣта - дѣда словамъ!“
Князь Олегъ ся костей ноговъ дѣткнувъ,
Но въ тѣйже хвилині бѣль страшный почувъ.
У чашцѣ ся крыла страшна змѣя, —
И скрутами ногу обвила князя.
Князь Олегъ схитався, — князь Олегъ здрожавъ...
„Проклятый вѣщуне, ты правду сказавъ!“
Князь Олегъ посинѣвъ, князь Олегъ поблѣдъ, —
Дружина до нѣго, — князя вже нѣтъ.

Керманичъ.

Черешомъ быстрымъ, шумячимъ
На доли дараба плыне.
Керманичъ на нѣй молоденькій
Въ Череша воды гляде.

Керманичу сердце мутится,
А око сплывае слезовъ,
Лишь керму поводитъ поволи
По филихъ безвладновъ руковъ.

Мовъ утка, дараба ось поре
Спокѣйну, широку глубѣнь,
И въ воду понуривши личко
Глядае керманичъ - лелѣнь.

А въ тѣмъ — ци се сонъ, ци се ява, —
Крѣзь слезоньки зрится ёму,
Що ось надплывае надъ чудну
Пѣдводну палату скляну.

Зъ ôкна еи дѣва до нѣго
Пôдноситъ жалôбне лице
Та дѣва, — о Боже единый!
Егожь - то любима отсе!

И слухае пильно керманичъ,
А дѣва и плаче й спѣва:
„До мене, мôй милый, до мене, —
Хоть ту я, для тебемъ жива!“

Насъ жизнь розлучила й злй люде,
Най смерть принесе намъ спокôй!
Ходи, ту твоя я на вѣки,
Ходи, ту на вѣки ты мôй!“

Черемошомъ быстрымъ, шумячимъ
На долы дараба плыне,
Въ нѣй зломана керма, о берѣгъ
Черемошъ дарабою бье.

Глубоко керманичъ, глубоко
Лежитъ у скляному дворѣ,
Що прысне о скалы дараба,
Ему вже то не въ головѣ!...

* * *

(Изъ А. К. Толстого).

Ой чомужь ты мя тяжке горенько
Зъ свѣта не звело нещасливую,
Лишь роздерло ми сердце на двое?

Якъ не зôйдеса рано зъ вечеромъ,
Такъ не зжитись двомъ добрымъ молодцамъ.

Иzza мене все вадятся они,
И оба мене лають - коренятъ.

То ось братъ менѣ такъ докорюе:
„Поцо ты пѣшла за паничика,
Втрутилась въ рѣдню, у нерѣвную?
Ты ѡтстунице, перевертнице,
Ѳтъ своѣй рѣднѣ ты ѡтстайнице!“
„Бадѣчко ты мѡй, рѣднѣй братчику,
Я въ рѣдню ёму не набивалась.
Самъ ты, братчику, намовлявъ мене,
Намовлявъ мене, ѡддававъ мене!

А ту мужъ менѣ дорѣкае зновъ:
„Изъ якого ты роду-народу?
Що ты за посагъ принесла менѣ?
А и чимъ то ты счарувала мя,
Приговѡрнице, чародѣйнице,
Мене зъ моими ты розлучнице!“
„Господине мѡй, милый мужу мѡй,
Нѣчимъ я тебе не пристрѣтила.
Але взявъ ты мя зъ волѣ вольной.
Не великѣй то и посагъ за мновъ:
Всѣго — серденько та покѡрливе,
Голова тобѣ та послушлива.“

* * *

*

Перекинувсь хмѣль черезъ рѣченьку
Зъ одного дубця та на другѣй дубъ,
И колышешся межи обома
Надъ прудковъ водовъ зеленѣючи,
Туги - горенька тай не знаючи,
Оба дерева обнимаючи....

Святославъ.

Прощаясь зъ матѣрю князь Святославъ.
Ой ѣду я, мамо, та въ Переяславъ!
„Щасливый, богатый болгарскій край,
„И пышно красить го среблистый Дунай!“

А въ Ольги ся слёзы пустили зъ очей,
„Не кидай, мѡй сыну, родины своей!
„Не бѣдный, а рѡдный и рускій край,
„Днѣпра не заступитъ ти сребный Дунай!
„Въ чужинѣ е скарбы, — та й зрада е, —
„Чужого заблагнешь, а стратишь свое!“

Но дармо ридает и дармо благает,
Князь буйный дружину въ походъ скликает, —
И неньку стареньку у слёзахъ лишивъ,
За славовъ, за сребломъ въ Болгарью спѣшивъ.

* * *

Ой правду то мовила мать Святослава:
Де скарбы, тамъ зрада, а горечь, де слава!
Воюет въ Болгаріи князь Святославъ: —
Ой многожь тамъ горя и лиха зазнавъ!
А въ томъ му доносятъ: О княже, вертай!
Орда Печенѣзка занимает твоѡй край!

Ой скорымъ походомъ на Русь повертавъ
Зъ богатовъ добычью буйный Святославъ.
А филѣ Днѣпра по порогахъ шумятъ...
Въ густыхъ очеретахъ враги сидятъ.

А Свѣнальдъ, старъ лыцарь сказавъ до князя
„О княже мѡй, сила твоя за слаба,

„И сли у степу насъ нападуть враги,
„Не зможемо вздержати ихъ ваги
„Тожь ту у Корсуни пробудьмо зиму,
„Зъ весноюжь повернемъ въ краину свою.“
Но надто горяча и надто прудка
Въ князя молодого натура була.
„Мой край нападають погані враги,
„А мы бы ту ждали спокійно весны?
„Ні Грекъ не злякавъ насъ, ні войско Болгаръ,
„А ту бы злякавъ насъ степовой дикарь?...

Плывуть Днѣпра воды исъ клекотомъ, шумомъ,
А воины княжі проняті сумомъ,
А скоро нѣчь темна на степъ лягла,
Напала ихъ дика враговъ орда.
Ой, страшна була тамъ и люта борьба, —
И падали трупы, въ покѣсь мовъ трава,
И кровця лилася рѣкою - рѣкою. —
Заледво де сотый уйшовъ съ того бою.

Ой рано кроваво сонце сходило,
И Руси великое горе звѣстило,
Ось войска останки кроваві йдутъ,
И трупъ безголовый князя несутъ...

А ханъ Печенѣговъ въ степу пирувавъ,
На пиръ старшину всю свою зазвавъ:
Онъ празникъ побѣды своей обходивъ.
На пирѣ изъ чары онъ сѣбнои пивъ, —
Се чашка у сѣбло оправна була —
У чашцѣ ся пѣнять заморскі вина. —
Ой грозна колись була чашка отся,

Ой чашка бо то Святослава князя;
На чашцѣ тѣй напись, ажъ въ очи бѣе:
„Чужого заблагнешь, а стратишь свое!“

Р у с а л к а.

(изъ Пушкина.)

Надъ озеромъ, въ глуші дубровы
Спасався десь - колись монахъ
Все въ праці, тихій и суровый,
Въ задумѣ, постѣ и мольбахъ.
Вже, смерти ждучи леда хвилѣ
Старикъ собѣ могилку рывъ, —
И, щобъ го зъ жизни слобонили,
Святыхъ угодникѣвъ моливъ.

Разъ въ лѣтню пору край порога
Своей хатиночки старый
Анахоретъ моливсь до Бога.
Змеркалось. Пѣнивсь чорторый
На озерѣ и дыхавъ мглою.
Чорнѣла пуца. Въ небесахъ
Пльивъ мѣсяць смуговъ рожевою.
Вдивився въ филѣ нашъ монахъ.

Глядитъ и страхъ ёго прѣймае,
И самъ не знае, що му е...
И видитъ: фили прыще, грае, —
И тиха, гладка зновъ стае...
И вразъ.,. Легенька, мовъ тѣнь ночи
Бѣленька, мовъ маёвый снѣгъ

Зъ филь дѣва выплыла, — плюскочесь
И мовчки сѣла на морогъ.

На монаха глядитъ тужливо
И пышнѣи косы йме чесать...
Съ страхомъ глядитъ старый на диво,
На ту пречудну дѣвы стать.
Она го дѣ собѣ зве рукою,
То быстро кивне головою,
И вразъ падучою звѣздою
Въ глубь сонныхъ филь метне собовъ!

Всю нощь неспавъ старецъ понурый,
И не молився цѣлый день.
Въ гадохъ зворушенныхъ онъ бури
Чудную дѣву зрѣвъ лишень.
Зновь мгла по пуци ляговится,
Крôзь хмары мѣсяць прогляда'
И зновь на березѣ дѣвица
Сидитъ, чарôвна и блѣда.

Глядитъ, манитъ го дѣ собѣ зъ даля,
Цѣлюе, мовьбы зъ нѣхотя,
Играе, плюскаеся въ фаляхъ,
Регочесь, плаче, мовь дитя,
Зве монаха и мовь вздыхае....
„Сюда! Сюда!“ И звукъ бренишь....
Вразъ дѣва въ фильяхъ пронирае
Середь глубокой тишины.

На третій день пустыникъ сивый
Надъ озера водовъ чудновъ
Сидѣвъ и ждавъ хорошей дѣвы....
Вже пуца въ мраку крыласъ зновь....

Розвѣявъ ранокъ тьму нѣчную
По монасѣ пропавъ и духъ
Лишь бороду ёго сѣдую
Въ водѣ десь задрѣвъ разъ пастухъ.

Местъ за убитого.

арабска дума.

І.

На стежцѣ пѣдъ скаловъ убитый онъ лежитъ,
А кровь ёго плыне, камѣнье червонитъ.
Вмираючи, менѣ тягаръ онъ наложилъ,
И врагъ не дѣжде, щобъ присягу я зломивъ!...
„Ты дѣльне и грѣзне дитя моеи сестры,
„Я зрадовъ гину ту, — ты смерть мою помсти!
„Най ѣдью змѣиновъ твои лютый бухне взоръ,
„Най смерть вѣститъ врагамъ развитый твои прапоръ!“
И впали въ сердце миѣ слова тѣ, мовъ скала,
И мовъ пѣдъ тягаромъ душа ся подала.
Охъ, бо пораадника забрала ми судьба,
Бо въ вѣкъ лишила мя найщиршая душа!
Въ холодный день онъ бувъ, мовъ сонця теплота,
А въ спецѣ, наче тѣнь, а въ спразѣ, мовъ вода.
Мовъ олѣнь быстрый бувъ, веселый, мовъ дѣвча,
Героя смѣлѣсть въ нѣмъ, а въ тѣлѣ сила льва.
До цѣли просту путь умѣвъ онъ все найти,
А зрады онъ не знавъ, ни пѣдступной мсти.
Мовъ дожджъ зъ небесъ, такъ онъ льявъ щедро дары намъ,
Мовъ грѣмъ зъ небесъ, такъ онъ погибѣль нѣсъ врагамъ.
А чорный волосъ му на плечѣ ажъ спадавъ,
А перскій плащъ пышный до стѣпъ ёму сплывавъ.
Но скоро въ полю знакъ до бою загремѣвъ,
Мовъ вовкъ голодный, онъ на добычъ такъ летѣвъ.

Онъ ѣздивъ самъ, — лишь мечъ ёго сопутникъ бувъ,
Мечъ въ Єменъ кованый, — неразъ го врагъ почувъ!
Той плащъ, той мечъ ёго неразъ прѣзнать могла
Вся Гудзейлицкая*) розбѣйница орда.
На плащъ той шайка ихъ, и на той мечъ стальной
Засѣла, — и мѣй другъ погибъ ѡдъ рукъ тыхъ змѣй!
Смотрѣтъ, яку му ту врагъ постѣль зготувавъ!...
Верблюды бы въ скалахъ тыхъ самъ ноги поломавъ!
Сходяче сонѣчко само ся ажъ зляклѣ,
Узрѣвши въ крови ту обдертого ёго.
Не радуйсь предъ часомъ, погане племя зле,
Бо въ твоѣй крови бѣль душѣ моеѣ втоне!...

II.

Полудне жаркое. Нашъ ѡддѣль хоробрый ся збивъ
У купу тѣсную. Рушаемъ.
И генъ за пѣски вже богъ сонця ся на нѣчь склонивъ, —
Мы тягнемъ мовъ хмары надъ гаемъ.
А кожного духъ, наче мечъ. А мечъ вѣрный въ по-
хвахъ, —
Ось ту мы при боцѣ го чуемъ...
А кожного кѣнь, наче тигръ. На далекихъ степахъ
Лишь шакаль походъ нашъ вартуе.
Ой, ворогъ сонъ-зѣлья*) немало у вечѣръ хлиставъ,
И спить непробудно въ таборѣ, — —
Гей, ту го ѡддѣль нашъ у самую пору напавъ!
Не зрѣти му ранной зорѣ!

*) Гудзейлиты, арабске кочѣвниче племя.

*) Сонъ-зѣлье, опіумъ, котре восточнѣ народы заживають
для спровадження приятныхъ снѣвъ.

„Зачи́тежь кровавое дѣло!... Смерть трупы валить,
Два племена впади въ могилы,
Кѣлькохъ лишь утѣкло. Весь степь ихъ посоковъ за-
литъ, —

А видъ той убитому милый.

Ихъ кровью вгасили мы сразу тяжку нашихъ спѣсь,
Горячій пѣсокъ напоили. ✓
Зъ борьбы той кождый зъ насъ мечъ лишь кровавый
унѣсь,

А ранъ мы на тѣлѣ й не зрѣли.

Теперь мнѣ сорбетѣвъ-вина подавай! Я не знаю,
Що заказъ, Корана законъ!
По трудѣ — заплата! По битвѣ пекельной най раю
Скоштуемъ. Ту втѣха, не стонъ!

Най мечъ мой булатный, най конь мой воронный — усѣ
Днесъ знаютъ, що розкѣшь, выгода!
Якъ пуца у крови враговъ, — най купаеь въ винѣ
Побѣда днесъ мого народа!

Подай менѣ чару тяжку, золотую, подай,
Гей, Саваръ Бенъ-Амре, мой друже!
Хоть радъ я зъ побѣды, — та всежь ми убитого жаль,
И сердце болитъ мене дуже.

Зъ сталевої чары мы смерти напѣй ворогамъ
Дали, Гудзейлітамъ, ту нынѣ!
И гляньте, якъ твердо пѣснули! Не грозить вже намъ
Ихъ шайка посередъ пустыни.

А чуете онъ, — якъ вся пуца уже гомонить?
Гіенъ прошибающимъ зыкомъ?

Онъ стадо вовкѣвъ блискоокихъ идъ трунамъ летитъ,
И шакаль ихъ шарпае съ крикомъ.

Глядѣтъ, — онде кречеты зъ синѣго неба падутъ
И гордо по трупахъ ступаютъ!
Отъ тутъ имъ пожива! Отъ тутъ-то они ся нажрутъ,
Що злетѣти вже не здужаютъ!...

Хрестъ Чигиринскій.

Гей, въ мѣстѣ въ Чигиринѣ е церковь, Спасъ святой:
Въ тѣй церквѣ хоронится козацкій хрестъ старый.
На тѣмъ хрестѣ до нынѣ ще давна напись есть:
Миръ мирнымъ! На враждующихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!
У прѣтворѣ до нынѣ той грозный хрестъ стоитъ,
Мовъ великанъ минувшихъ, померклыхъ, страшныхъ
лѣтъ, —

И лишъ слѣпцѣ старіи иеъ пѣснями въ устахъ
Сидятъ, мовъ сумъ могильный, у стѣпъ того хреста.

И не одну говорятъ о нѣмъ старую вѣсть
Про наше горе, лихо, про вражу ляцку злѣсть.
И сердце ся стискае на вѣсти съ тыхъ часѣвъ,
И ѡдѣрватись тяжко ѡдъ старцѣвъ сумныхъ слѣвъ.

* * *

Весна настала красна, розтавъ зимы килѣмъ, —
Немовъ козакъ гулящій прибрався Чигиринъ.
Мовъ дѣвчина въ недѣлю, — природа стрѣйна вся,
И наче щастье въ серци, — така еи краса.

Болоня кругъ Чигрина не мраки залягли;
То войска два ворожѣ до бою надтягли:
Два братья, вражовъ штукѣвъ розъеднанѣ съ собовъ
Пришли, щобы пролити рѣками братню кровь.

И стали противъ себе: ту Ляхъ а тамъ Козакъ,
Ту гордый панъ, тамъ низкій, погорджений бѣдакъ,
Ту певнѣсть, тамъ розпука; ту жадоба, тамъ жаль....
Ирзають быстрой конѣ, блищитъ до сонця сталь.

Гей гордо панъ Жолкевскій на конику жене!
Гей гордо ляцке войско стоитъ рядомъ страшне!
А сугорбы понуро, мовъ поле сивѣ мглы,
Розгульниі козацкї громады облягли.

— „Заждѣтъ! кричитъ Жолкевскій, — рабы, навчу я васъ
„Не приѣде вамъ охота до бунту другій разъ!“
Три шибеницѣ ставитъ на горбѣ, щобъ каждый зрѣвъ
И написъ по надъ ними: „Се жде бунтовникѣвъ!“

„Гетьмане Наливайку!“ озвався Лободá
„Се що тамъ видно въ дали? Се що тамъ за бѣда?
„Ци се прапоръ, що шляхту провадитъ до борьбы?
„Менѣ здаєсь, що бачу онъ — шибеницѣ три!“

А Наливайко каже: „Щастъ Боже имъ и съ тымъ!
„Но мы подемъ до бою подъ знаменемъ святымъ.
„Гей, братья, хрестъ поставте на горбѣ, на нѣмъ письмо:
„Миръ мирнымъ, — на враждующихъ самъ Богъ и
хрестъ ёго!“

Зновъ день наставъ, — и страшна зачалася борьба,
Немовъ огонь зъ водою, — такъ перлись войска два.
Чимъ выше свѣтле сонце по небѣ йшло въ гору,
Тымъ бѣльше братней крови плавомъ плыло въ рѣку.

И стала послабати козацка сила вже.....
Лютує панъ Жолкевскій и въ пень козацтво тне.
„Ось вамъ наука, хамы, — такъ грозно онъ кричитъ,
„Якъ рѣзати нашу шляхту, и села намъ палить!“

И всё козацкі очи звернулися наразъ
До чудного на горбѣ хреста въ той страшный часъ.
И смотрятъ: ци се привидъ, ци истина?.... Зъ землѣ
Вагѳмъ-поволи хрестъ той здвигаеся дъ горѣ.

И мовьбы невидимі несли го руки, йде
Ажь тамъ, де панъ Жолкевскій у пень козацтво тне.
И середъ боевища той хрестъ чудесный ставъ,
Мовь раменами крѣпко козацтво заслонявъ.

Всѣ бачили то диво, — всѣ стали, мовь мертвѣ.....
Не гримають мушкеты, — не блискають шаблѣ.....
Въ тревозѣ панъ Жолкевскій зъ рукъ шаблю упустивъ
Дививсь — а мовь не видѣвъ, стоявъ — а мовь не живъ...

А Наливайко крикнувъ: „Такъ, братья, такъ и есть:
„Миръ мирнымъ! На враждующихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!
„За мною! Най пѳзнають враги, що зъ нами Бѳгъ!
„Що противъ Бога змѳгся, хто противъ насъ ся змѳгъ!“

На западъ вже клонилось святое сонце внизъ,
Кѳнчився при Чигринѣ бренькъ стали, ломѳтъ спѣсь.
Кругъ шибениць все войско шляхетске полягло, —
Рѣкою трупѳвъ много и крови поплыло.

Одинъ лишень Жолкевскій ѳдъ гибели уйшовъ:
За нимъ козацтво довго ще гналося стрѣловъ.
„Зажди,“ кричитъ козацтво, „Жолкевскій, гей зажди!
„А для когѳжь лишивъ ты ту шибениць три?“

* * *

Боевище кроваве травѳю поросло, —
Могилы вкрыли трупѳвъ, — мовь буря все прѳйшло.

Козацкѣй ѣ ляцкѣй силы розвѣялись, мовъ прахъ, —
Не згнбла лишъ незгода, — въ враждѣ все Русь и Ляхъ...

И ци коли настане якѣй щаслившѣй часъ,
Ци появится еднѣсть и згода ѣ миръ у насъ, —
Богъ знае! Но мы смѣло въ гору взнесѣмъ чоло!
Миръ мирнымъ! На враждуцихъ самъ Богъ и хрестъ ѣго!

К о л я д а

(рускимъ господарямъ).

І.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!
Въ Господа Бога дѣточокъ много,
А межи ними не двѣ зѣрницѣ,
Не двѣ зѣрницѣ, а двѣ сестрицѣ.
Зазвавъ ихъ Господъ та передъ себе:
— „Часъ вамъ, дѣтоньки, въ свѣтъ розѣйтися!
Ось ту даю вамъ хату ѣ палату,
Ось ту даю вамъ плугъ и шабельку,
Всѣ то даю вамъ та до выбору!“
Сестра молодша, бачъ, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, палату взяла,
Старшѣй сестрици хата остала.
Сестра молодша, бачъ, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, шабельку взяла,
Старшѣй сестрици плугъ полишала.
И розѣйшлися въ свѣтъ двѣ сестрицѣ,
И стали жити близко при собѣ,
Близко при собѣ, напротивъ себе.
Старша сестриця въ бѣднѣй хатинѣ,
Молодша въ пышнѣй, яснѣй палатѣ.
Старша сестриця землицю оре

И засѣвае ярое жито, —
Єи ланы ся золотомъ крыють.
Молодша ходить, шаблевъ воюе
Золото - срѣбло въ палату зноситъ.
Довго жили такъ обѣ сестрицѣ,
Довго жили такъ, не сварилися.
Сестра молодша, хотъ много мала,
Стала украдкой завидувати
Ярого жита, золотой пшеницѣ
Що росли буйно въ старшой сестрицѣ.

II.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!
Якъ Жиды Христа на муки брали,
На муки брали, на хрестъ розпяли,
Пречиста Дѣва весь свѣтъ сходила,
Весь свѣтъ сходила, Сына глядѣла.
Слѣзы гѣркіи все проливала,
Бѣли ручки зъ жалою ломала.
А де упаде єи слѣзонька,
Тамъ тобѣ стане зимна кернійця,
Тамъ тобѣ срѣбна рѣчка пѣльєся.
Де бѣли ручки зъ жалою заломить,
Тамъ - тобѣ стане шумна дуброва,
Шумна дуброва зъ вѣтромъ играє.
А де изъ жалою вздыхне до Бога,
Тамъ тобѣ роємъ яри пчѣлоньки,
Яри пчѣлоньки медокъ збирають.
Пречиста Дѣва весь свѣтъ перейшла,
Весь свѣтъ перейшла, Сына не найшла.
Весь свѣтъ за нею зазеленѣвся,
Весь свѣтъ за нею розвеселився.
Ой сидить панѣ въ пышноѣй палатѣ,
Шабельку острить, думку думаетъ, —

Думку думає, слугôвъ пытає:
„Що тамъ за дѣва иде полями,
Иде полями, тяженько плаче,
Рученьки ломить, Господа молитъ?
За нею поле зеленѣся,
За нею рѣчки розливаються,
За невь дубровы розвиваються.
Бѣжѣтъ до неи — напротивъ неи,
Нехай не ходить по моѣмъ полю!
Быстрии рѣчки водами грають,
Въ походѣ войско мое спиняють.
Шумнїи дубровы густо ся стелятъ
И мое войско въ походѣ спинятъ!“

Старша сестриця по полю ходить,
По полю ходить, копы рахує,
Рахує-числитъ, — счислити годѣ!
Старша сестриця задумалася:
„Що то за дѣва, полемъ ступає,
Полемъ ступає, тяженько плаче,
Рученьки ломить, Господа молитъ?
За нею поле зеленѣся,
За нею рѣчки розливаються,
За невь дубровы розвиваються.“

Старша состриця пôшла до неи,
Пôшла до неи, напротивъ неи, —
За ручку бере, словомъ втѣшає,
Словомъ втѣшає, такъ повѣдає:

Ой, не ходи ты, красная дѣво,
Ой не ходи ты свѣтомъ блукати, —
Ходи ты жити до моеї хаты!
Я ти що рано ноги умыю,
Ноги умыю, слѣзы обсушу,
Зъ твого серденька тугу прожену.

Я ти що днини свѣтлоньку вберу,
Свѣтлоньку вберу, їсти злагоджу.
Я ти що вечѣръ лѣженько встелю,
Любу пѣсеньку тай заспѣваю.“

III.

Въ старшой сестрицѣ, якъ бѣръ пшениця, Гей дай Боже!
Въ старшой сестрицѣ яроє жито
Колосомъ клонить, пѣсеньку звонить:
„Насъ Божа Мати благословила
Намъ Божа Мати зрасть подарила,
Бо Божа Мати у нашѣй хатѣ!“

Въ яснои панѣ пышнѣй палаты,
Пышнѣй палаты зъ вѣтромъ валяться.
Въ яснои панѣ остра шабелька,
Остра шабелька въ бою щербится.
Пѣвъ ей краю, то гай въ розмаю,
Пѣвъ ей краю багна вкрывають,
Багна вкрывають, пѣски ссыпають.
Ясная панѣ, хоть много мала,
Позавидѣла старшѣй сестрици.
Шабельку острить, думку думає,
И до слугъ своихъ такъ повѣдає:

„Спѣшѣть ми скоро, вѣрнѣи слуги,
Звяжѣте въ пута мою сестрицю,
Звяжѣте въ пута, приведѣть тута!
Най ѣдберу їй тоту пшеницю,
Най ѣдберу їй яроє жито!“

Побѣгли слуги — швидко вернули,
До яснои панѣ слово говорятъ:
„Въ твоєй сестрицѣ въ тѣснѣй хатинѣ
Яснѣсть велика, радѣсть велика!
За столомъ сидить Пречиста Дѣва,
За столомъ сидить, за вечерою.“

Твоя сестриця хлѣбы ломае,
Хлѣбы ломае, пѣсню спѣвае.“

Ясная панѣ думку думае,
Думку думае, слугъ посилае:
„Вы ничь на тое не уважайте,
Мою сестрицю припроводжайте!

Побѣгли слуги, швидко вернули,
До ясной панѣ слово говорятъ:
„Твоей сестрицѣ ^{всѣ} бѣднѣй хатинѣ
Ангель сторожитъ, — зблизитись годѣ!“

Ясная панѣ въ гнѣвъ попадае,
Въ гнѣвъ попадае, сама збираеь.
Велитъ сестрицю въ пута кувати,
Велитъ ѣй власне поле орати,
Власное поле — та не для себе!

Ой сумно сонце въ осени съяе!
Ой сумно лѣтомъ шумить дуброва!
Старша сестриця гѣренько плаче,
Гѣренько плаче, по полю ходитъ.

„Рости, рости ты, ярое жито!
Роди, роди ты золота пшеничко!
Я тебе орю, черное поле,
Я тебе орю, та не для себе!
Ясная панѣ хлѣбъ забирае, —
Мои дѣтоньки зъ голоду плачуть,
Зъ голоду плачуть, хлѣбця не бачуть!“

На чистѣмъ поли, якъ бѣръ пшениця,
На чистѣмъ поли ярое жито
Колосомъ клонитъ, пѣсеньку звонитъ:
„Насъ Божа Мати благословила,
Намъ Божа Мати зрасть подарила,
Бо Божа Мати у нашѣй хатѣ!“

IV.

А радъ ты знати, чесный господарю, Гей дай Боже!
 Кто тѣ зѣрницѣ — рѣднѣ сестрицѣ?
 Старша сестриця — Руска землиця, —
 Менша сестриця — Ляцка землиця!

А радъ ты знати, чесный господарю,
 Коли скѣнчится плачъ старшой сестрицѣ?
 Пречиста Дѣва съ Сыномъ царствуе,
 Пречиста Дѣва плачъ сестры чуетъ!

А за тымъ словомъ бувай ми здоровъ!
 Дай тобѣ Боже въ горю потѣху,
 Дай тобѣ Боже въ нуждѣ надѣю,
 Дай тобѣ Боже сильную волю!
 Збавъ тебе Боже ѡдѣ злыхъ сусѣдѣвъ,
 Знавъ тебе Боже ѡтѣ сынѣвъ вырѣднѣхъ,
 Збавъ тебе Боже ѡтѣ тѣмѣ неволѣ!

Весна настане, — сѣй жито яре,
 Сѣй жито яре, золоту пшеницю!
 Осѣнь настане, збирай щасливо!
 Зима настане — пѣсни приносить.
 Лѣто настане, — не засумуйся,
 Выйди на поле, поведи окомъ!
 На чистѣмъ поли, якъ бѣръ пшениця,
 На чистѣмъ поли ярое жито
 Колосомъ клонить, пѣсенку звонить:
 „Насъ Божа Мати благословила,
 Намъ Божа Мати зрасть подарила!“
 Бо Божа Мати и въ твоѣй хатѣ!

оже!

Sup

